

Object of kidnapping in Russian legislation: historical aspect

A. S. Kovalkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article analyzes the establishment of criminal responsibility for kidnapping in previously existing domestic legislation: from *Russkaya Pravda* and the Church Charter of Prince Yaroslav to the criminal code of the RSFSR in 1956. The author pays special attention to the change of the object of criminal law protection and the victim of the Commission of this crime over time. The author comes to the conclusion that there is a continuity of previously existing legislative acts and modern Russian criminal legislation in terms of establishing responsibility for kidnapping.

Keywords: criminal law; kidnapping; kidnapping of a woman; kidnapping of a child; object of criminal protection; victim; historical aspect; continuity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kovalkova Alexandra S. | E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru
| Post-graduate student

Объект похищения человека в отечественном законодательстве: исторический аспект

А. С. Ковалькова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.232
Научная статья

В статье анализируется установление уголовной ответственности за похищение человека в ранее действовавших отечественных законодательных актах – от Русской Правды и Церковного Устава князя Ярослава до УК РСФСР 1956 года. Особое внимание автором обращается на изменение объекта уголовно-правовой охраны и на потерпевшего от совершения данного преступления с течением времени. Автор приходит к выводу о наличии преемственности ранее действовавших законодательных актов и современного российского уголовного законодательства в части определения объекта похищения человека.

Ключевые слова: уголовное право; похищение человека; похищение женщины; похищение ребёнка; объект уголовно-правовой охраны; потерпевший; исторический аспект; преемственность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалькова Александра Сергеевна | E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru
Аспирант

Установление уголовно-правовых запретов за совершение того или иного деяния осуществляется в первую очередь посредством определения объекта и предмета уголовно-правовой защиты и зависит от социальных, экономических, культурных, моральных и нравственных устоев общества в конкретный исторический период. С течением времени устои общества меняются, что неизбежно сказывается на изменении уголовно-правовых запретов.

В современном обществе всё больше внимания уделяется защите права человека на личную свободу. Поскольку одной из основных задач уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека и гражданина путём закрепления запретов на совершение общественно опасных деяний

и установления наказания за их нарушение, необходимым условием обеспечения права человека на личную свободу является в том числе установление уголовной ответственности за похищение человека.

Изучение исторической практики установления российским законодателем уголовной ответственности за похищение человека позволит лучше понять природу данного деяния, перенять позитивный опыт и избежать ранее допущенных ошибок в процессе внесения изменений в современный Уголовный кодекс.

Впервые похищение человека в качестве состава преступления было закреплено в ст. 29 Краткой редакции и ст. 38 Пространной редакции Русской Правды: похищение холопов и челяди соответственно [1, с. 48, 66].

Объектом данных преступлений являлись отношения собственности. Об этом свидетельствует то, что ст. 38 Пространной редакции Русской Правды отличает похищение скота от похищения челядина только в том, что последний обладал способностью говорить, а значит, сообщить, кто был его предыдущим владельцем. Предметом данных преступлений являлись холопы, рабы, челядь, т. е. лично зависимые категории населения.

Краткая редакция Церковного Устава князя Ярослава в ст. 2 устанавливала ответственность за «умычку» девиц [2, с. 110–115]. В комментарии к источнику дается перевод термина «умычка» как похищение девушки без её согласия с целью вступления в брак [3, с. 472]. Таким образом, обязательным признаком объективной стороны данного преступления, помимо действий, направленных на похищение, являлось отсутствие согласия потерпевшей. Данная статья была направлена против языческого обычая умыкания невесты [1, с. 173], т. е. объектом её охраны являлся законный порядок вступления в брак. Кроме того, из текста статьи «за сором ей» можно сделать вывод, что данная норма также была направлена на защиту чести и достоинства похищенной.

Судебники 1497 и 1550 гг. (ст. 9 и ст. 61 соответственно) устанавливали ответственность за «головную татьбу» [4, с. 55, 108]. Относительно данного понятия в литературе нет единой точки зрения. Например, по мнению В. Н. Татищева, под головным татём понимался убийца, Л. В. Черепнин считал, что под головной татьбой следует рассматривать воровство, сопровождавшееся убийством, а Е. И. Колычева придерживается точки зрения, что головная татьба – это похищение людей [4, с. 70].

Более верной нам представляется последняя точка зрения ввиду того, что ст. 10 Судебника 1497 г., открывающая цикл статей о порядке ответственности за разного рода кражи, включает в их число головную татьбу [4, с. 70]. Кроме того, австриец С. Герберштейн, посетивший Московское государство в первой трети XVI в., в своем переводе Судебника 1497 г. определяет головного татя

именно как похитителя людей. Сомнений в достоверности этого перевода не возникает, так как разъяснения относительно используемой в судебнике терминологии С. Герберштейну давали люди, жившие в эпоху действия данного закона [5, с. 237].

Однако среди сторонников данной точки зрения также нет единства во мнении относительно предмета данного преступления. Так, по мнению Е. И. Колычевой, под головными татями разработчики Судебника понимали лиц, занимавшихся кражей холопов; А. А. Зимин считает, что головная татьба означает кражу людей для продажи их в рабство; В. А. Рогов расценивает головную татьбу как кражу людей для любых целей; Ю. Г. Алексеев склонен видеть в головных татях похитителей свободных людей для продажи их за рубеж [5, с. 237].

Более верной нам представляется точка зрения А. А. Зимина. Квалификация головной татьбы как похищения свободного человека для продажи его в рабство находит подтверждение в двух нормативных правовых актах середины XVI в. и начала XVII в. В соответствии с Указом 1557/58 г. виновных в обращении вольных людей в холопство путём оформления вольных холопских грамот и их сообщников предписывалось казнить, «как и головного татя». Таким образом, законодатель ставил знак равенства между составлением подложных холопских грамот и головной татьбой, что было оправдано, если понимать под головной татьбой похищение людей для продажи их в рабство. Схожая норма закреплена в Сводном Судебнике 1606–1607 гг. [5, с. 237].

Таким образом, можно сделать вывод, что объектом головной татьбы являлась личная свобода, а потерпевшим от данного преступления – свободный человек.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича устанавливало уголовную ответственность за похищение «татар и татарченков» [6, с. 229] (ст. 118 гл. XX «Суд о холопех») и за похищение женщин (ст. 16 гл. XXII «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание»).

Объектом похищения татар являлись отношения собственности. Об этом свидетельствует то, что законодатель в ст. 118 использовал выражение «учнёт у кого красти», из чего можно сделать вывод, что раньше данные лица уже кому-то принадлежали, т. е. являлись чьей-то собственностью. Кроме того, законодатель обязал вора вернуть этих лиц тому, у кого они были украдены. Предмет – лица – представители нерусского населения Сибири и Астрахани, именуемые общим этническим понятием «татары». Объектом похищения женщин по Соборному Уложению являлись отношения по обеспечению личной свободы женщины. Потерпевшая – «госпожа», т. е. женщина, принадлежащая к высшему сословию, имеющая слуг.

Воинский артикул 1715 г. в артикуле 187 главы 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве» устанавливал уголовную ответственность за похищение человека с целью его продажи [7, с. 362]. Объектом похищения человека по Воинскому артикулу, несмотря на то что оно закреплено в главе, посвящённой преступлениям против собственности, являлись отношения по обеспечению личной свободы человека. Потерпевшим от данного преступления являлись все лица, за исключением крестьян, т. к. их купля-продажа была разрешена Указом Петра I от 7 преля 1690 г [8, . 97–198].

Статьи 2004, 2005 Соборного Уложения расположены в главе «О оскорблениях чести», поэтому объектом данных преступлений являлись отношения по защите чести женщины, кроме того, дополнительным объектом являлась половая свобода. Статья 2040 охраняла семейные отношения. Потерпевшими от этих преступлений являлись «женщины или девицы», т. е. лица женского пола. В ст. 2040 к признакам потерпевшей добавлялся еще один – женщина должна быть незамужней.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливало ответственность за похищение детей (ст. 1857–1858) и женщин (ст. 2004, 2005, 2040) [9, с. 715–716, 781–782, 799–800].

Статьи, посвящённые похищениям детей, находились в главе Уложения «О незакон-

ном лишении прав состояния», из чего можно сделать вывод, что объектом данных преступлений являются отношения по защите прав состояния. Потерпевшим от преступлений, предусмотренных ст. 1857–1858 являлся младенец. Под младенцем в рамках указанных статей следует понимать лицо в возрасте не свыше 6-7 лет, поскольку в этом возрасте ребенок не сознает своего происхождения и не может дать определительных указаний о своих родителях [10].

В Уголовном уложении 1903 года, так же как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривалась ответственность за похищение детей (ст. 502) и женщин (ст. 505, 506) [11, с. 676, 680, 682]. Данные статьи располагались в главе Уголовного уложения, которая называется «О преступных деяниях против личной свободы», из чего можно сделать вывод, что данные преступления имеют общий объект – отношения по обеспечению личной свободы.

Можно выделить следующие признаки потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 502 Уголовного уложения: во-первых, это лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста; во-вторых, это должен быть чужой ребёнок, т. е. данный законодательный акт исключал уголовную ответственность за похищение ребёнка родителем.

Состав преступления, предусмотренного ст. 505 Уголовного уложения, сконструирован сложно: законодатель дифференцировал ответственность за похищение лиц женского пола в возрасте от 14 до 16 лет, от 16 лет и от 14 до 21 года в зависимости от наличия в содеянном определённых субъективных признаков («с употреблением во зло невинности» потерпевшей, для непотребства» или преступления с целью «повреждения» чести потерпевшей путём придания данному событию огласки). Данное преступление, помимо личной свободы потерпевшей, посягало ещё на её половую свободу и неприкосновенность, честь и достоинство. Потерпевшей от преступления, предусмотренного ст. 506 Уголовного уложения, являлась незамужняя женщина.

После Октябрьской революции 1917 года уголовно наказуемым осталось только похи-

щение детей. Это связано с двумя факторами. Во-первых, большинство состоятельных людей после революции иммигрировали за границу, а у тех, кто остался, экспроприировали практически всё имущество. Во-вторых, похищение людей, как правило, является одним из элементов организованной преступности, а в условиях тоталитарного государства её существование затруднительно [12, с. 14].

УК РСФСР 1922 г. (ст. 162) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 149) предусматривали ответственность только за похищение ребёнка [13, с. 3–41]. Объектом преступлений, предусмотренных в ст. 162 УК РСФСР 1922 г. и ст. 149 УК РСФСР 1926 г., являлись общественные отношения по обеспечению свободы личности ребёнка.

Потерпевшим от данного преступления по УК РСФСР как 1922 г., так и 1926 г. являлся ребёнок. В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. сохранялась уголовная ответственность за похищение ребёнка (ст. 125) и устанавливалась ответственность за похищение женщины (ст. 233) [14].

Объектом похищения ребёнка по УК 1960 г., так же как и по предыдущим УК РСФСР, являлись отношения по обеспечению свободы ребёнка. Статья 233 УК 1960 г. находилась в гл. 11 «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», т. е. она обеспечивала охрану отношений по преодолению несовместимых с социалистическим образом жизни местных национально-религиозных и родовых пережитков прошлого [15, с. 555].

Таким образом, в отличие от ранее действовавших законодательных актов, целью установления уголовной ответственности за похищение женщины являлось искоренение национально-религиозных обычаев, препятствующих реализации женщинами своих гражданских прав наравне с мужчинами, а не обеспечение соблюдения моральных и религиозных запретов.

Законом Российской Федерации № 901-1 от 29.04.1993 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 1251, предусматривающая уголовную ответственность за похищение человека [16]. Появление данного состава преступления было обусловлено ростом похищений людей в конце 80-х–начале 90-х гг. XX в., получивших распространение как вид преступной деятельности [17, с. 44].

Потерпевшим от данного преступления являлся человек, т. е. лицо независимо от его пола и возраста. Таким образом, УК РСФСР 1960 г. в редакции от 1993 г. впервые в истории советского законодательства установил уголовную ответственность за похищение взрослого мужчины.

В 1993 г. из ст. 125 была исключена ответственность за похищение ребёнка. Ответственность за похищение несовершеннолетнего с того момента устанавливалась в ч. 2 ст. 1251 УК 1960 г.

Таким образом, в процессе развития российского уголовного права отечественный законодатель по-разному определял потерпевшего от похищения человека и общественные отношения, которые неизбежно ставятся под угрозу при совершении такого деяния. Данное обстоятельство объясняется изменением системы общественного устройства – от крепостного права, допускавшего отношение к человеку как к имуществу, до отношений равноправия и равенства всех людей перед законом, – сокращением числа моральных и религиозных ограничений в поведении женщин и повышением значимости личной свободы человека, независимо от его социального положения, пола и возраста.

Наметившаяся в ранее действовавших законодательных актах тенденция к установлению уголовной ответственности за похищение человека, независимо от его пола, возраста, национальности, религиозных убеждений и других признаков с усилением ответственности за похищение лиц женского пола и детей, была воспринята законодателем при конструировании ст. 126 современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ссылки

1. Российское законодательство X –XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. 430 с.
2. Перевод Краткой редакции Устава князя Ярослава / сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. 241 с.
3. Памятники русского права Т. 1: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. 342 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. 519 с.
5. Памятники русского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 3: Памятники права Московского государства, кн. 1 / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. 342 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. 511 с.
7. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. 512 с.
8. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. 422 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 715–716, 781–782, 799–800. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1457.html> (дата обращения: 19.01.2020).
10. Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907 // СПС «Гарант» (дата обращения: 19.01.2020).
11. Уголовное уложение 22 марта 1903г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 676, 680, 682. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003725050?page=1> (дата обращения: 19.01.2020).
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 14: Преступления против свободы, чести и достоинства личности / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2010. 629 с.
13. Источники права: учебное пособие / сост. Р. Л. Хачатуров. Тольятти, 2000. Вып. 13. 325 с. (Серия «Юриспруденция»)
14. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 19.01.2020).
15. Советское уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1988. 608 с.
16. Закон РФ от 29.04.1993 № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.01.2020).
17. Гаужаева В. А. Похищение людей как состав преступления в России Советского периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-1. С. 35–46.